

JEL classification: N14, O52, P21
УДК 94(497.12)"1947/1950"
DOI 10.17150/2308-2588.2020.21(1).29-53

Ю.В. Шахин

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация*

СЛОВЕНСКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ В ГОДЫ РАСЦВЕТА АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Проанализированы трения между властями Югославии и Словении на почве проводимой экономической политики в 1947–1950 гг. В целом словенская хозяйственная бюрократия приняла установленные ранее правила игры, и в 1947–1948 гг. она конфликтовала с союзной бюрократией в тех случаях, когда были слишком высокие планы или их выполнение угрожало негативными политическими последствиями. Кроме того, она старалась обратить негативные последствия себе на пользу. Из-за ухудшения экономического положения Югославии с конца 1948 г. характер трений меняется. В словенском Политбюро появляется недовольство союзными методами управления, со стороны словенской бюрократии усиливается борьба за дефицитные ресурсы и против сокращения республиканских инвестиций. Общественное мнение республики все более критически воспринимает ее положение в составе Югославии. Оппозиция союзной экономической политике, группировавшаяся прежде в хозяйственном аппарате, начинает получать известную поддержку партийного руководства Словении.

Ключевые слова. Югославия, Словения, экономическая политика, планы, инвестиции, ресурсы, центробежные процессы.

Информация о статье. Дата поступления 23 января 2020 г.; дата принятия к печати 2 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 16 марта 2020 г.

Y.V. Shakhin

Sevastopol State University,
Sevastopol, Russian Federation

SLOVENIAN REPUBLICANISM DURING THE HEIGHT OF STATE-RUN SYSTEM

Abstract. The study analyzed 1947–1950s economic policy-related tensions between the authorities of Yugoslavia and Slovenia. In general, the Slovenian economic bureaucracy adopted the rules of the game established earlier. In 1947–1948 it confronted the union bureaucracy over the cases with unrealistically high expectations and with possible negative political impact. In addition, the Slovenian economic bureaucracy tried to turn negative effects into its own advantage. Due to the deterioration of Yugoslavia's economic situation, the nature of the tensions has been changing. Slovenian Politburo was getting discontent with union management methods. Slovenian bureaucracy intensified the struggle for scarce resources and against the reduction of republican investment. Public opinion in the republic was increasingly critical of its situation within Yugoslavia. Opposition to federal economic policy, previously grouped in the economic apparatus, was beginning to receive some support from the Slovenian party leadership.

Keywords. Yugoslavia, Slovenia, economic policy, plans, investments, resources, centrifugal forces.

Article info. Received January 23, 2020; accepted March 2, 2020; available online March 16, 2020.

При изучении истории югославской федерации исследователи недостаточно обращают внимание на ранние проявления центробежных процессов в экономической жизни этой страны. В частности, слабо исследованы экономические проявления республиканизма. Под этим термином часть историков бывшей Югославии понимает отстаивание республиками

собственных интересов, которым отдается приоритет перед общегославскими. Автор данной статьи уже предпринимал попытки исследовать республиканизм на примере Словении в годы конституирования югославской федерации и во время экономического кризиса 1950–1952 гг. Настоящее исследование является продолжением этих усилий и посвящено проявлениям экономического республиканизма в Словении в тот недолгий период, когда в Югославии господствовала административно-командная система. Это время с начала 1947 г. до начала 1950 г.

Принятие конституции Словении в январе 1947 г. и Первого пятилетнего плана в апреле 1947 г. окончательно закрепили принципы отношений республик и союзного центра, поэтому участники конфликтов действовали в рамках устойчивой системы институтов и связей. Так продолжалось до осени 1949 г., когда началась экономическая децентрализация, а с апреля 1950 г. открылся этап радикальной реорганизации всей системы государственного управления. В области экономического развития этот трехлетний период характеризуется политикой ускоренной индустриализации, однако ее внутренние противоречия, усугубленные конфликтом Югославии с СССР, привели к экономическому кризису. Он начался примерно в феврале-марте 1950 г. Таким образом, окончание исследуемого периода приходится на время с февраля по апрель 1950 г.

Проявления словенского республиканизма распределяются в 1947–1950 гг. неравномерно. Для 1947–1948 гг. мы имеем о них мало свидетельств, а начиная с 1949 г. их число и разнообразие заметно возрастают. Как доступные нам источники, так и труды словенских историков демонстрируют, что признаки недовольства союзным центром в 1947–1948 гг. исчезают. После принятия первого пятилетнего плана «публичное выражение недовольства несколько утихло», — сообщает в одной из своих работ историк Й. Принчич

[1, s. 27]. Какие-либо интересные факты конфликтов с привязкой именно к этим годам словенские историки вообще не приводят. Протоколы Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении демонстрируют ту же закономерность — проявления республиканизма в эти годы не отражены там ни прямо, ни косвенно. Такое впечатление, что проблемы были успешно решены. Но это не так. Изыскания М. Обрадович, Д. Биланджича, равно как и наши собственные усилия показывают, что свидетельства словенского республиканизма в это время сохранились по большей части в источниках общегославского происхождения. Словенские историки обычно опирались на данные своих республиканских архивов, а там республиканизм представлен хуже. Таким образом, в 1947–1948 гг. по сравнению с 1945–1946 гг. интенсивность республиканизма ослабевает, а его проявления фиксируют не столько словенские, сколько союзные источники. Что скрывается за этим сдвигом?

Возможное объяснение сводится к двум обстоятельствам. Прежде всего, правила игры в это время были неизменны. Качественно система, установленная на данном этапе, не менялась. Возрастала только интенсивность проявления ее свойств. То есть централизм проявлялся все сильнее, хотя в способах его проявления ничего нового не обнаруживалось. Эти устоявшиеся правила игры были приняты словенской партийно-государственной бюрократией, и она научилась по ним действовать. Одним из этих правил было — отстаивать свои интересы в случае конфликта, не называя их носителей настоящими именами, или вообще никак не обозначая. Возможность прямо указать на конфликт интересов оставалась всецело за союзной стороной, отсюда концентрация свидетельств в источниках союзного происхождения. С 1946 г. у словенских чиновников от экономики наблюдается двойственность в поведении, когда публично они были

солидарны с курсом центральной власти, а в частном порядке его осуждали [2, s. 183, 199]. Внешне они, как и представители других республик, выступали сторонниками централизаторских инициатив, порой внося рацпредложения по их реализации [3, s. 298, 299–300, 307]. Но дело было не только в этом. Частота проявлений республиканизма снизилась также из-за успехов индустриализации. Инвестиции росли головокружительным темпом, объем капиталовложений, находящихся как в распоряжении республиканских, так и союзных чиновников, стремительно увеличивался, и это снимало остроту возможных конфликтов.

В силу положительной динамики материального производства в 1947–1948 гг. словенские представители конфликтовали с союзной бюрократией в основном в тех сферах экономической деятельности, где плановые обязательства Словении были слишком тяжелыми, или же их выполнение угрожало неприятными политическими последствиями в самой республике. Первый случай иллюстрирует поведение замминистра лесной промышленности Словении в июне 1947 г. Замминистра внешней торговли Югославии (сам по национальности словенец) подверг его критике: республиканский чиновник утверждал, что в его министерстве не располагают обзором запасов на лесопилках, а союзное министерство торговли не могло из-за этого планировать экспорт древесины [3, s. 231, 829]. Подобные «саботажные» настроения чиновников наблюдались и в других югославских республиках, но Словения выделялась на их фоне должностным уровнем управленца. Причина сопротивления замминистра была в том, что плановые задания по заготовке и экспорту древесины были непропорциональны лесным запасам Словении. В 1947 г. Словения дала 18 % всего югославского экспорта, и словенские леса сильно пострадали от рубок [4, s. 350]. Чиновник стремился явочным порядком замедлить выполнение такого плана.

Ко второму случаю относятся регулярные «торги» словенских лидеров с союзными органами по вопросам хлебозаготовок. Хлебозаготовки, введенные в 1945 г., осуществлялись с применением насилия, так как без принуждения закупка сельхозпродукции по заниженным ценам у крестьян шла плохо. Нормы хлебозаготовок выстраивались по прогрессивной шкале в зависимости от размера хозяйства, в результате для крупных крестьянских хозяйств земледелие утрачивало смысл. В перспективе эта политика вела к снижению товарности сельского хозяйства. А насилие при заготовках создавало болезненные политические проблемы, настраивая деревню против новой власти. В результате все югославские республики старались уменьшить установленные им планы по хлебозаготовкам. Сербия и частично Хорватия натывались в этих стремлениях на объективное препятствие — благоприятные природно-климатические условия. А те республики, где условия для сельского хозяйства были хуже, старались максимально использовать это естественное в их случае преимущество. Словенское правительство во главе с премьером Михой Маринко уже летом 1947 г. начало постоянно повторять, «что Словения не аграрная страна и не может много дать». Особый упор Маринко делал на поставки скота и шерсти. Эту позицию подвергло критике Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии. Словенец Э. Кардель, входивший в высшее руководство Югославии, даже заявил: «Разговор об аграрных недостатках Словении политически вредит самой Словении» [5, s. 196]. Однако словенские хозяйственники были последовательны и продолжали добиваться сокращения цифр поставок в своих заданиях. В марте 1948 г. Хозяйственный Совет при правительстве Югославии уменьшил обязательства Словении перед армией по поставкам мяса с 1 600 т до 1 000 т [3, s. 263]. В июне 1948 г. словенский представитель на конференции

в Президиуме правительства Югославии отстаивал снижение плана хлебозаготовок по зерну. В этом он нашел поддержку у македонского представителя. Но глава Хозяйственного Совета Борис Кидрич, председательствующий заседания, пресек эти поползновения [3, s. 324–325]. В апреле тот же Б. Кидрич на II пленуме ЦК КПС отметил: опыт показал, что в республике все время перевыполняется план хлебозаготовок, хотя «все органы словенского правительства в Белграде постоянно говорили, что невозможно выполнить такой высокий план в Словении» [6, s. 536].

Стремление избежать неблагоприятных политических последствий от давления на своих крестьян проявлялось у словенских руководителей и в других формах. Например, они добивались особых условий при заготовке некоторых видов сельхозпродукции. В 1948–1949 гг. союзные власти разрешили словенским заготовителям закупать масличное семя у крестьян на иных условиях, чем в других республиках. За 100 кг семечек крестьянин получал 14 кг масла [7, s. 398, 399].

Следующий пример еще показательнее. Индустриализация в Югославии была экстенсивной и осуществлялась за счет привлечения рабочей силы из деревни. Скорость, с которой крестьяне перебирались на заработки в город под влиянием экономических стимулов, уже в 1948 г. перестала соответствовать высоким темпам индустриализации. Стал обнаруживаться дефицит рабочей силы. Тогда власти начали привлекать сельские рабочие руки внеэкономическим путем. Через отделения Народного фронта крестьян фактически принудительно мобилизовали в трудовые бригады. Эти бригады в основном занимались строительными работами, вывозом древесины с лесоповалов, иногда — добычей полезных ископаемых. Однако словенские хозяйственники своих крестьян берегли. Им играл на руку более высокий уровень жизни в республике. Этот объективный фактор сти-

мулировал трудовую миграцию из соседней Хорватии, за счет которой и восполнялась нехватка рабочей силы. В результате словенская бюрократия избавляла от административного давления своих крестьян, правда попутно обостряла проблему нехватки рабочих рук в Хорватии. Но это уже были проблемы другой республики. Эта практика продолжалась до тех пор, пока не вспыхнул скандал на заседании Хозяйственного Совета Югославии 24 февраля 1949 г. Словенский представитель пожаловался на нехватку рабочих рук в лесной и деревообрабатывающей промышленности, а также в строительстве. Тут-то союзные чиновники и узнали правду: «Согласно заявлению представителя НР Словении собственных рабочих, которые были бы искусны в строительстве дорог, нет, и до сих пор на строительстве дорог работали только рабочие из НР Хорватии». Разбирательство продолжилось и на следующий день: тогда выяснилось, что хорватских рабочих с полуострова Истрия принимают на словенские шахты. Представитель Министерства труда Югославии заявил, что недопустимо вербовать рабочую силу из других республик. Словении запретили нанимать жителей других республик в шахты и на строительство дорог, а нехватку рабочей силы посоветовали компенсировать организацией «фронтовых» бригад по примеру Сербии [3, s. 646, 656]. Иного выхода у словенских хозяйственников не осталось, но к созданию трудовых бригад они подошли без энтузиазма. В апреле 1949 г. на II пленуме ЦК КПС Б. Кидрич раскритиковал словенское руководство и, в частности, Плановую комиссию за то, что они утверждали, будто резервов рабочей силы в республике нет. По мнению Кидрича, руководство Словении просто не хотело извлекать рабочие руки из деревни [5, s. 545]. 3 мая 1949 г. в Хозяйственном Совете Словению подвергли критике за то, что она слабо мобилизует рабочую силу на строительство из деревни. Для строительных тру-

довых бригад в республике предусмотрели ничтожную численность — 5 тыс. чел. [7, s. 101].

Точно также словенская бюрократия старалась оградить своих крестьян от административного насилия, когда в январе 1949 г. был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства. Этот саботаж не укрылся от лидеров Югославии. 15 апреля 1949 г. на II пленуме ЦК КПС Кардель и Кидрич отметили серьезное отставание Словении в развитии крестьянских кооперативов и указали, что республика в наибольшей степени отклоняется от линии ЦК КПЮ в аграрной политике. Кидрич обвинил словенское руководство, что оно из-за узкого практицизма не видит возможностей для коллективизации [6, s. 535, 536, 540]. В самом деле, то, что происходило в сельском хозяйстве республики, трудно всерьез считать коллективизацией. По данным словенских историков коллективизация достигла наибольших успехов к 1951 г., когда в крестьянские трудовые кооперативы (КТК) объединились 8,6 тыс. домохозяйств (5 % от их общего числа). В распоряжении этих КТК оказались всего лишь 4 % обрабатываемых земель [8, s. 433]. Для сравнения: в среднем по Югославии максимальный подъем коллективизации приходится на лето 1950 г., когда в КТК вошли 418,7 тыс. домохозяйств. Это 18,8 % от их общего числа. Эти КТК охватили 23,4 % обрабатываемых земель [9, с. 122].

В тех случаях, когда экономическая политика все же вызывала отрицательные политические последствия, словенские хозяйственники старались обернуть их себе на пользу, чтобы получить материальную выгоду от союзного правительства. В середине марта 1948 г. в Сежане в Словенском Приморье произошел народный бунт. Народ, недовольный распределением карточек, избил местных чиновников и заставил раздавать товары просто так. Глава словенского правительства Миха Маринко немедленно обвинил в случившемся союзное министерство снабжения и тор-

говли. Якобы оно не учло специфику Словении и выделило ей слишком мало карточек. Ему поверил Кардель, самый авторитетный из словенцев в руководстве Югославии, и предъявил претензии союзному министру Якову Блажевичу. Но Блажевич доказывал, что Белград ошибки не допустил. Кидрич как глава Хозяйственного Совета и Союзной плановой комиссии вынужден был заняться разбирательством и провести специальное заседание с участием словенского министра торговли Ребича. Кидрич тоже был словенцем по национальности, но подошел к вопросу объективно и установил, что виноват словенский министр. Однако Ребич сопротивлялся и с трудом признавал свои упущения. Блажевич вспоминал, что сделал тогда из этой истории важный вывод: «Существует практика обмана, республиканские министры свои просчеты пытаются скрыть и перебросить на плечи [других] и списать на счет бюрократизма и незнания обстоятельств и потребностей отдельных республик» [10, s. 235]. В сущности, похожие оценки давались и Кидричем.

Наблюдая за поведением республиканских министерств торговли и снабжения, Блажевич пришел к выводу, что в сопротивлении союзному руководству в первой половине 1948 г. особенно выделялось словенское министерство. Оно ставило верховную власть своими решениями перед свершившимся фактом, вело себя так, словно союзного министерства торговли и снабжения не существует, решая свои проблемы напрямую через Хозяйственный Совет. А функционеры словенского министерства «террористически относятся к отдельным людям из союзного министерства» [10, s. 237]. С этими оценками солидарен и позднейший исследователь М. Джорджевич [11, s. 195–196].

Словения не только этим выделялась среди других республик. Как показывают приведенные примеры, носителями практики республиканизма были чиновники в ранге замминистра, министра и даже главы

республиканского правительства. При этом эта глава была по совместительству секретарем Политбюро ЦК КПС. А министерство торговли и снабжения почти открыто проявляло свое враждебное отношение к Белграду, как и в 1945–1946 гг., когда союзные планы и предписания объявляли неэффективными и неадекватными, невыполнимыми, слишком конкретизированными, экономически бессмысленными и вредными. По сравнению с предшествующими годами уровень представительства сторонников республиканизма в госаппарате Словении как минимум не снизился.

С 1949 г. в вопросах экономики и управления наблюдается быстрое распространение практики республиканизма. Предпосылки этого процесса были заложены в 1948 г. Взятый Югославией темп индустриализации существенно превышал ее ресурсные возможности. В 1948 г. наметились проблемы с сырьевой базой и дефицит рабочей силы, о которых уже упоминалось ранее. Стал усиливаться и дефицит потребительских товаров. Помимо экономических на почве этого разрыва обострялись разнообразные социальные проблемы — падал уровень жизни горожан, росло их недовольство, усиливалось давление бюрократии на крестьянство, и, как следствие, обострялась классовая борьба в деревне. С 1948 г. программа капитального строительства начала подвергаться пересмотру и сокращению. Происходило сокращение инвестиций, находящихся под контролем местных бюрократий. Эти решения принимало югославское правительство, поэтому все возмущение региональных чиновников отлучением их от финансовых потоков концентрировалось на союзном центре.

Когда объемы инвестиций лавинообразно увеличивались, для недовольства их распределением не было достаточной почвы, потому что во все республики осуществлялись такие капиталовложения, которых не было когда-либо прежде. Иное дело, когда эти ин-

вестиции стали сокращаться. Тут-то и возникала почва для недовольства и борьбы республиканских бюрократий против союзного центра. В январе 1948 г. союзный пятилетний план первый раз был пересмотрен в сторону сокращения капиталовложений [12, s. 173]. В июне 1948 г. опять сократили план инвестиций в Словению [13, s. 52]. «Сокращение Пятилетнего плана уже в конце первого планового года, которое в первую очередь уменьшило республиканские инвестиции... повлияло на укрепление республиканизма» [12, s. 228–229]. Как следствие, уже с лета 1948 г. М. Обрадович фиксирует в масштабах всей Югославии усиление экономического партикуляризма [12, s. 235]. Его развитие в республиках стимулировала «проблема снабжения населения продовольствием и товарами широкого потребления», «невозможность осуществить амбициозный план хлебозаготовок, прокормить свое население и обеспечить “обязательные поставки” для других народных республик, союзных потребителей и армии. С другой стороны, союзный центр еще жестче расправлялся с партикуляризмом...» [12, s. 228, 233]. Последнее проявлялось в усилении регламентации, отчетности и контроля за действиями нижестоящей бюрократии. Итогом стал рост недовольства союзной политикой на местах.

Конкретно в случае Словении усиление недовольства фиксируется с конца 1948 г. В декабре 1948 г. по решению югославских властей республике было приказано сосредоточить все усилия на строительстве 30 ключевых объектов и отказаться от строительства предприятий республиканского подчинения [4, s. 348]. Как отметил 27 декабря 1948 г. Кидрич, «когда центральной задачей на 1949 год была поставлена тяжелая промышленность, тогда в то же время было определено, что с республиканскими промышленными инвестициями нужно несколько подождать», а республиканские планы переориентировать на производство дефицитных потребительских товаров [6, s 309–310].

После этого Политбюро ЦК КПС впервые позволило себе критику союзной политики, правда, предметом критики стал не объем инвестиций, а методы управления. Секретарь ЦК КПС Стане Кавчич пожаловался, что некоторые из республиканских министров последнее время не проводят линию республиканского Политбюро. Поименно были названы председатель Плановой комиссии Сергей Крайгер и министр сельского хозяйства Йоже Левстик. В процессе критики другой член Политбюро, министр внутренних дел Словении Борис Крайгер сделал удивительное замечание, что Сергей Крайгер отклоняется от линии словенского Политбюро, потому что ориентируется на Союзную Плановую комиссию в Белграде. Выходит, к концу 1948 г. относительно экономической политике у словенских партийных лидеров сформировалась линия, отличная от курса союзных властей. По косвенным данным можно предположить, что одним из пунктов расхождения было отношение к коллективизации.

К сожалению, никаких прямых подтверждений этой гипотезы в других протоколах Политбюро ЦК КПС нет, а на рассматриваемом заседании сюжет о сути отклонений словенских министров от республиканской партийной линии развития не получил. Дискуссия пошла по пути общей критики союзного централизма. «В целом наблюдаются сильные централистские тенденции и при этом каждый день и во всех областях», — сделал вывод из поведения министров член Политбюро Иван Регент. Член Политбюро Виктор Авбель осудил централизм как мелочную опеку: «Министерства и подразделения из Белграда дают постоянные директивы по преимущественно мелким вещам». В результате на республиканском уровне ведомства не координируют работу друг с другом, и у них «нет цельной и основной общей линии»¹. Еще

¹ Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. Ljubljana, 2000. S. 125.

через день критику в адрес Белграда дополнил Стане Кавчич. В качестве докладчика он отметил «крупные сбои» в работе аппарата республиканского ЦК и возложил вину на высшее союзное руководство. Сбои, по его словам, вызвали «инструкции из управлений ЦК КПЮ, в частности кадрового и оргинструкторского (решения по кадрам для учреждений в Белграде, каждый день новые отчеты о разных вещах с кратким сроком [составления] и т.д.)». Осуждения этих тезисов на Политбюро не прозвучало. Получается, оно разделяло недовольство Кавчича изъятием кадров в столицу и бесконечными срочными предписаниями.

Несмотря на это, Политбюро ЦК КПС попробовало найти выход, не оспаривая «правила игры» и основы отношений. Не посягая на союзный централизм, оно попыталось решить проблему за счет улучшения координации на республиканском уровне. Для этого было предложено перераспределить функции в составе республиканского Политбюро с целью усиления позиций и партийного контроля за хозяйственными министрами.

Здесь мы имеем дело с устойчивой позицией Политбюро, потому что она вновь отразилась в протоколах спустя неполные десять месяцев. 2 ноября 1949 г. Маринко докладывал о выполнении бюджета 1949 г. и плане бюджета на 1950 г. В дискуссии по докладу зазвучала уже знакомая критика союзного централизма и похожие практические рекомендации. Отличие было лишь в том, что теперь критика касалась вопросов планирования: «...Главное содержание дискуссии — вопрос, что ЦК заранее не знает главных контуров бюджета ФНРЮ, на основе которых мы бы легко дали руководящие указания для бюджета и плана НР С[ловении], и уже все годы просто регистрируем и принимаем план и бюджет, которые установлены в Белграде. Также другие заседания ЦК, которые рассматривают хозяйственные вопросы, решают в основ-

ном кампанейские задачи, недостаточно дискуссий по принципиальным вопросам, на основе действительного анализа. Секретариат должен в будущем подробнее обрабатывать некоторые вопросы экономики и подготавливать их для заседаний [Полит]бюро»². Итак, Политбюро ЦК КПС не желало быть простым передаточным узлом в системе управления, а хотело самостоятельно давать указания, занимая собственную позицию по принципиальным вопросам. Оно пыталось найти решение проблемы в рамках повышения эффективности координации на республиканском уровне, не посягая на союзный централизм.

Впрочем, следует учитывать: мы имеем дело только с тем, что попало на бумагу. В случаях конфликтов нижестоящих бюрократических структур с вышестоящими первые фиксируют далеко не все решения, идущие вразрез с указаниями начальства, а в основном те, которые не могут быть использованы против них и представлены противником как доказательства «злого умысла». В таких случаях нужно судить по делам.

Несмотря на эти колебания, союзный центр по-прежнему имел возможность настоять на своем, причем даже в крайне чувствительных для процессов накопления капитала вопросах. Когда произошел переход к политике строительства ключевых объектов, выяснилось, что в Словении строительные мощности были на 60 % выше потребности, а в Боснии — на 40 % меньше. Все «лишние» словенские мощности были переброшены в Боснию. 10 словенских предприятий отдали часть своих мощностей в другие республики, впервые после 1946 г. [4, s. 350; 12, s. 203].

Если Политбюро ЦК КПС в 1949 г. и сумело наладить работу хозяйственных министерств в соответствии со своей линией, то в практическом воплощении эта линия сводилась к стремлению тянуть одеяло на

² Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. Ljubljana, 2000. S. 177.

себя. Между тем, одеяло имело тенденцию к относительному сжатию. В течение всего 1949 г. потребность в сырье, рабочей силе и потребительских товарах возрастала быстрее, чем возможность ее удовлетворения. Каждой республике становилось выгодно придерживать скопившиеся у нее ресурсы, не выполнять свои обязательства перед другими, но зато требовать от них по максимуму. Такой борьбой заполнен весь 1949 г. с тенденцией нарастания к концу года.

12 апреля на заседании Хозяйственного Совета словенский министр торговли и снабжения требовал выделить республике больше потребительских карточек, чем готово было предоставить союзное министерство. В итоге Совет утвердил среднее между предложенными Словенией и союзным центром число. Таким образом, словенская сторона добилась частичного успеха [7, s. 45].

Продолжалась борьба за рабочую силу. В начале июня в Словении сопротивлялись союзному решению перебросить часть квалифицированных рабочих из местной промышленности на приоритетные промышленные объекты союзного значения. В поисках управы на республиканских чиновников заместитель председателя Хозяйственного Совета вынужден был припугнуть их вышестоящим начальством из ЦК КПЮ [7, s. 241–243, 252]. В ноябре 1949 г. словенское Политбюро поддержало жалобы горкома Любляны на изъятие квалифицированных кадров из городского хозяйства в пользу Белграда и решило потребовать у центра материалы, кадры и рабочую силу для развития словенской столицы³.

В течении 1949 г. Словения недовыполняла плановые поставки другим республикам: картофеля Македонии и Сербии, угля Сербии, хлопковой пряжи Сербии и Хорватии; также срывались поставки по ве-

³ Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. Ljubljana, 2000. S. 184, 185.

домственной линии: овса и сена для Югославской армии, угля для железной дороги [7, s. 630; 12, s. 175]. В последнем случае словенская Генеральная дирекция по углю саботировала приказ Хозяйственного Совета Югославии. Осенью 1949 г. словенское министерство госзакупок пыталось уменьшить обязательства республики по заготовке картофеля, но здесь его не поддержал республиканский ЦК. Там пришли к выводу, что план закупок не завышен и выполним⁴.

9 декабря 1949 г. в Хозяйственном Совете Югославии обсуждали бюджет на будущий год. Все республики, не исключая Словению, попросили себе дополнительных средств в расходной части и сокращения обязательств по наполнению доходной. Словения добилась лишь незначительных уступок по расходам [7, s. 704, 706–708]. В том же месяце решено было уменьшить план по производству текстиля и, соответственно, сократить его распределение, но в правительстве Словении не согласились с этим и требовали распределения по первоначальному плану⁵.

В своей борьбе за дефицитные ресурсы высшие эшелоны словенской бюрократии, похоже, находили поддержку общественного мнения. Еще в ноябре 1948 г. на II съезде КПС Кидрич указал: в Словении раздаются голоса, что ее плановые обязательства велики, а материальная помощь, поступающая из других республик, слишком мала [6, s. 281]. Также, по словам Кидрича, в Словении бытует мнение, что в Белграде подходят к республике с двойным мерилom и якобы из-за этого в Словении завышены налоги [6, s. 537–538]. На II пленуме ЦК КПС, проходившем 15–16 апреля 1949 г., Кидрич отметил «в массах» настроения, которые имеют место не только у «попутчиков из мелкобуржуаз-

⁴ Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. Ljubljana, 2000. S. 176.

⁵ Sednice Centralnog komiteta KPJ: (1948-1952). Beograd : Komunist, 1985. S. 447.

ных кругов», но и среди «коммунистов» — о том, «что Словения наибольшая сирота во всей Югославии, что Словенией больше всего пренебрегают, и т.д. И не только это: слышится, что она самая культурная и должна была бы иметь самый высокий уровень жизни, что все в Словении должно бы быть лучше всего и, во всяком случае, лучше, чем в других республиках, что у нас самый низкий покупательный фонд и самые высокие налоги и т.д.». Кидрич охарактеризовал эти настроения и тенденции как «привнесение буржуазного и мелкобуржуазного национализма в наши ряды» и добавил: «Среди нас существует представление, притом даже среди коммунистов, что Югославия вообще не может существовать без Словении» [6, s. 548, 549]. Касаясь аграрной политики Кидрич на том же пленуме дал понять, что партийно-государственные органы Словении поддаются влиянию «оппортунистического менталитета интеллигентских культурных кругов», когда думают, что Словения — это нечто особенное и «что для нее вообще не имеют силы общегославские законы» [6, s. 540]. 13 декабря 1949 г. на внеочередном заседании Исполкома Освободительного фронта Кидрич повторил: «...Мы из Словении часто слышим замечания, что Словении недодают, что Словения пренебрегаемая республика» [14, s. 33].

Разумеется, это было не так. При общем падении уровня жизни населения, вызванном политикой индустриализации, Словения все равно сохраняла свое первенство. Например, в мае 1949 г. Хозяйственный Совет выяснил, что уровень потребления мяса в Словении на душу населения — 15,9 кг, в то время как в Боснии и Герцеговине — 7,6 кг, а в Македонии — 7,4 кг [7, s. 136]. Республика лидировала и по инвестициям. Ее доля в населении Югославии составляла 8,8 %, а доля в инвестициях — 11,1 % [14, s. 34]. Но поскольку ситуация повсеместно ухудшалась и усиливался дефицит, возрастало стремление не делиться с другими. Причем этот

эгоизм распространялся не только среди бюрократического аппарата, но и на бытовом уровне. Известный историк Душан Биланджич вспоминает, как именно в это время надумал что-то купить в словенском магазине и столкнулся со словами продавщицы: «Для вас товара нет — езжайте в свою Сербию» [15, s. 323].

Последние месяцы 1949 г. ознаменовались для словенской бюрократии двумя новшествами, способными повлиять на развитие конфликта интересов в следующем году. Во-первых, с осени 1949 г. в руководстве Югославии был взят курс на радикальную децентрализацию и перестройку управления экономикой. До апреля 1950 г. к нему делались лишь первые подготовительные шаги, которые свелись к расширению полномочий республик в отдельных частных вопросах, из которых самой серьезной мерой была передача в их руки вопросов внешней торговли, а также переход из союзного в республиканское подчинение предприятий текстильной, кожевенной и резиновой промышленности. С января 1950 г. республики получили в свое подчинение также угольную промышленность и электроэнергетику. В будущем эти изменения открывали возможность борьбы за контуры перераспределения полномочий. Во-вторых, продолжилось дальнейшее сокращение инвестиций. Это, конечно, для республиканских деятелей было неприятно. В декабре 1949 г. Кардель и Кидрич на заседании Исполкома ОФ сообщили руководству Словении, что республике нужна «передышка на направлении индустриализации», планируется значительное уменьшение инвестиций, индустриализацию нужно остановить, а капиталовложения направить в сферу соцкультбыта [4, s. 348; 14, s. 30, 35]. Одной из важных задач на 1950 г. СПК определила не просто сокращение объема инвестиций, но и рабочей силы, занятой в госсекторе. Разумеется, ключевые объекты этот поворот не затрагивал. Удар, как и прежде, принимали на себя республикан-

ские и местные инвестиции. Партию и правительство Словении это не устраивало, потому первые месяцы 1950 г. они провели в борьбе за спасение собственных капиталовложений. Благоприятную возможность для этого создали в самом Белграде. В декабре 1949 г. на III пленуме ЦК КПЮ было объявлено, что пересмотр инвестиций будет осуществляться по согласованию с республиками [14, s. 81].

Словенское Политбюро этим воспользовалось и впервые посвятило рассмотрению инвестиционных претензий специальное заседание, где утвердило перечень желаемых изменений и вынесло его на заседание Хозяйственного Совета Югославии. Оно пыталось расширить список объектов приоритетного строительства, внося туда инвестиции в Приморье, в мелиорацию некоторых районов и сельские объекты соцкультбыта, в жилищное строительство и водное хозяйство Любляны и Марибора⁶. К 1 марта большинство республиканских предложений были одобрены Хозяйственным Советом. Словения получила дополнительные 265 млн динаров инвестиций, не считая частично удовлетворенных запросов по Приморью, где словенская сторона добилась выделения около 243 млн динаров за счет расходов на армию [16, s. 129–130, 131]. Тогда же Словения добилась пересмотра плана по сокращению числа рабочих и потребительских карточек. Для 12 000 чел. аннулирование карточек перенесли с 1 марта на 1 апреля. Кроме того, еще в январе Словения добилась выделения дополнительной рабочей силы в деревообрабатывающей промышленности. Ей удалось выторговать одну тысячу рабочих [16, s. 61].

В то же время словенское Политбюро не очень активно пользовалось открывшейся ему возможностью обсуждать союзные инициативы. 30 марта на его заседании рассматривался важный вопрос предстоящей

⁶ Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. Ljubljana, 2000. S. 197.

реорганизации министерств и областных народных комитетов. Политбюро знало, что предстоит сокращение республиканского аппарата на 20 %, однако подошло к вопросу буднично и по-деловому: оно просто приняло к сведению указания Белграда и распорядилось провести заседание правительства⁷.

Теперь попробуем проследить, какие изменения произошли в словенском республиканизме на этапе господства административно-командной системы по сравнению с этапом ее становления. Конфликт интересов в 1947–1950 гг. сначала ослаб, а потом обострился. В отличие от предшествующего этапа центр тяжести конфликта оказался не в области организации управления, а в сфере распределения товаров и инвестиций. Недовольство методами управления с конца 1948 г. тоже заметно, но, похоже, оно не стояло на первом месте.

Общественное мнение в Словении характеризовалось неоднородностью настроений. Несмотря на преобладание установок на братство и единство, встречались националистические тенденции на уровне трудящихся масс. Их оживлению способствовало обострение конфликта интересов в экономической сфере. Требование дополнительных дефицитных ресурсов начало мотивироваться представлениями о некой исключительности Словении по сравнению с другими республиками. На этой почве вполне могло начаться слияние народных националистических чувств с настроениями части госаппарата.

В среде правящей бюрократии сфера распространения республиканизма не претерпела в это время существенных изменений. По-прежнему сторонники республиканизма руководили министерствами и были представлены в Политбюро. Правда, у нас мало данных, как менялись настроения специалистов-хо-

⁷ Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. Ljubljana, 2000. S. 202.

зяйственников и нижнего звена бюрократии в целом. Но можно предположить, что там по-прежнему преобладало критическое отношение к общегославским интересам и недовольство централизмом. По крайней мере, для сферы снабжения этот вывод правомерен.

Зато мы можем проследить интересные сдвиги в позиции Политбюро ЦК КПС. Как уже было сказано, в 1947–1948 гг. оно не уделяло никакого внимания проблеме отношений республики и союзного центра. После лета 1947 г. даже вышел из употребления встречавшийся ранее термин «сепаратизм». Видимо, это связано с завершением централизации: все словенские государственные учреждения были вписаны в новую систему управления, и правила игры было бессмысленно оспаривать. Но конфликты в рамках этой системы остались. Молчание Политбюро по поводу данных конфликтов можно объяснить либо тем, что оно не видело в них ничего нового и считало, что предыдущих мер достаточно для решения проблем, либо тем, что оно начало пересматривать свое отношение к происходящему и перестало с ними бороться как прежде. Второе объяснение больше похоже на истину. В 1949–1950 гг., когда республиканизм обострился, Политбюро ни разу не уделило ему внимания и не осудило борьбу за ресурсы. Все случаи, когда в Словении ставится вопрос партикуляризма и эгоизма, в это время связаны с вмешательством функционеров из Белграда, среди которых явно лидирует Кидрич. Это не значит, конечно, что Политбюро в это время думало только об экономической выгоде для республики любой ценой (вспомним историю осени 1949 г. с картофелем). Однако гораздо чаще подобные устремления словенских хозяйственников останавливали в то время в Белграде. Наконец, с января 1949 г. в Политбюро ЦК КПС критики политики центральных югославских властей впервые стали задавать тон. Правда, это касалось лишь одного вопроса — чрезмерности централизма и опе-

ки сверху. Но Политбюро ЦК КПС считало, что оно могло бы проводить в республике политику, в чем-то отличную от общегославской. Это уже был первый признак осознания себя политическим руководством республики, а не административным органом, через который проводится политика союзного центра.

К концу рассматриваемого периода отношение Политбюро к республиканизму смягчилось. Если раньше оно сознательно соглашалось проводить политику союзных властей, то теперь сознательно начало вступать к ним в оппозицию по отдельным вопросам. Этот сдвиг подготовило скрытое участие Политбюро в борьбе за распределение инвестиций и дефицитных товаров. Реформы 1950–1953 гг., которые позволили республикам отстаивать свои узкие интересы открыто, придали всем этим изменениям новый импульс.

Список использованной литературы

1. Prinčič J. Slovensko gospodarstvo v drugi Jugoslaviji / J. Prinčič. — Ljubljana : Modrijan, 1997. — 88 s.
2. Kidrič B. Sabrana dela / B. Kidrič. — Beograd : Komunist, 1985. — Knj. 4. — 567 s.
3. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog save-ta Vlade FNRJ: 1944–1953. — Beograd : Arhiv Jugoslavije, 1995. — Knj. 1. — XV, 909 s.
4. Prinčič J. Mesto Slovenije v procesu industrijalizacije Federativne Jugoslavije (1945–1956) / J. Prinčič // Slovenci in drža-va. — Ljubljana : SAZU, 1995. — S. 345–354.
5. Drnovšek D. Srečanja partijskih vrhov na najvišjem nivoju. Zapisi srečanj slovenskega partijskega vodstva z jugoslovanskim partijskim vodstvom s Titom na čelu v letih 1945–1954 / D. Drno-všek // Arhivi. — 2003. — № 1. — S. 187–197.
6. Kidrič B. Sabrana dela / B. Kidrič. — Beograd : Komunist, 1985. — Knj. 5. — 644 s.
7. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog save-ta Vlade FNRJ: 1944–1953. — Beograd : Arhiv Jugoslavije, 1995. — Knj. 2. — 734 s.
8. Štih P. Slovenska zgodovina: družba — politika — kultu-ra / P. Štih, V. Simoniti, P. Vodopivec. — Ljubljana : Institut za novejšo zgodovino, Sistory, 2008. — 574 s.

9. Калафатич Е.-М.И. Развитие экономических отношений в сельском хозяйстве Югославии (1945–1964 гг.) : дис. ... канд. экон. наук / Е.-М.И. Калафатич. — Одесса, 1964. — 246 с.
10. Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita / V. Dedijer. — Beograd : Rad, 1984. — Т. 3. — 645 s.
11. Ђорђевић М. Седам левих година / М. Ђорђевић. — Београд : Наш дом, 2000. — 520 с.
12. Obradović M. «Narodna demokratija» u Jugoslaviji, 1945–1952 / M. Obradović. — Beograd : INIS, 1995. — 309 s.
13. Vodušek-Starič J. Začetki samoupravljanja v Sloveniji, 1949–1953 / J. Vodušek-Starič. — Maribor : Založba obzorja Maribor, 1983. — 147 s.
14. Kidrič B. Sabrana dela / B. Kidrič. — Beograd : Komunist, 1985. — Knj. 6. — 609 s.
15. Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest / D. Bilandžić. — Zagreb : Golden Marketing, 1999. — 830 s.
16. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveća Vlade FNRJ: 1944–1953. — Beograd : Arhiv Jugoslavije, 1995. — Knj. 3. — 783 s.

References

1. Prinčič J. *Slovensko gospodarstvo v drugi Jugoslaviji*. Ljubljana, Modrijan, 1997. 88 s.
2. Kidrič B. *Sabrana dela*. Beograd, Komunist, 1985. Knj. 4. 567 s.
3. *Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveća Vlade FNRJ: 1944–1953*. Beograd, Arhiv Jugoslavije, 1995. Knj. 1. XV, 909 s.
4. Prinčič J. Mesto Slovenije v procesu industrijalizacije Federativne Jugoslavije (1945–1956). *Slovinci in država*. Ljubljana, SAZU, 1995, s. 345–354.
5. Drnovšek D. Srečanja partijskih vrhov na najvišjem nivoju. Zapisi srečanj slovenskega partijskega vodstva z jugoslovanskim partijskim vodstvom s Titom na čelu v letih 1945 — 1954. *Arhivi*, 2003, no. 1, s. 187–197.
6. Kidrič B. *Sabrana dela*, Beograd, Komunist, 1985. Knj. 5. 644 s.
7. *Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveća Vlade FNRJ: 1944–1953*. Beograd, Arhiv Jugoslavije, 1995. Knj. 2. 734 s.
8. Štih P., Simoniti V., Vodopivec P. *Slovenska zgodovina: družba — politika — kultura*. Ljubljana, Institut za novejšo zgodovino, Sistory, 2008. 574 s.
9. Kalafatich E.-M.I. *Razvitie ekonomicheskikh otnoshenii v sel'skom khozyaistve Yugoslavii (1945–1964 gg.)*. Kand. Diss. The development of economic relations in agriculture of Yugoslavia (1945–1964). Cand. Diss.]. Odessa, 1964. 246 c.

10. Dedijer V. *Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita*. Beograd, Rad, 1984. Vol. 3. 645 s.
11. Đorđević M. *Sedam levih godina*. Beograd, Naš dom, 2000. 520 s.
12. Obradović M. «*Narodna demokratija*» u Jugoslaviji, 1945–1952. Beograd, INIS, 1995. 309 s.
13. Vodušek-Starič J. *Začetki samoupravljanja v Sloveniji, 1949–1953*. Maribor, Založba obzorja Maribor, 1983. 147 s.
14. Kidrič B. *Sabrana dela*. Beograd, Komunist, 1985. Knj. 6. 609 s.
15. Bilandžić D. *Hrvatska moderna povijest*. Zagreb, Golden Marketing, 1999. 830 s.
16. *Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944–1953*. Beograd, Arhiv Jugoslavije, 1995. Knj. 3. 783 s.

Информация об авторе

Шахин Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра «История», Севастопольский государственный университет, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, e-mail: y-v-shahin@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3684-9802; Author ID 890782; SPIN-код 6214-2025.

Author

Yuri V. Shakhin — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Str. Sevastopol, 299053, e-mail: y-v-shahin@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3684-9802; Author ID 890782; SPIN-code 6214-2025.

Для цитирования

Шахин Ю.В. Словенский республиканизм в годы расцвета административно-командной системы / Ю.В. Шахин. — DOI: 10.17150/2308-2588.2020.21(1)29-53 // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 29–53.

For Citation

Shakhin Y.V. Slovenian Republicanism During the Height of State-Run System. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 29–53. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(1).29-53. (In Russian).